

М.М.Рогожа

УДК 172.12:174:130.2(045)

О (не)реалистичности этико-прикладных проектов

Аннотация. В статье очерчиваются особенности прикладной этики, определенные в этическом дискурсе на постсоветском пространстве (приложение/конструирование этического знания для решения практических вопросов этического характера, адекватность этических ответов на запросы общественности). Особое внимание уделяется фактору общественности и его значению для развития этико-прикладных проектов. Отмечается, что в обществе с пассивной общественностью разработка этико-прикладных проектов осуществляется достаточно проблемно, и прикладная этика в большей степени выступает в качестве теории, чем ресурсом этических технологий в общественных практиках.

Ключевые слова: прикладные этики, этико-прикладной проект, общественность, запрос на этику.

Вопрос редактора «Ведомостей» о (не)реалистичности этико-прикладных проектов – это, по большому счету, вопрос о возможностях морали быть действенным регулятором отношений между людьми в особых условиях и обстоятельствах современных профессионально и/или предметно определенных практик, а также о ресурсах этики создавать проекты. Вопрос, таким образом, выходит на природу прикладной этики. В русскоязычном этическом дискурсе эта проблематика стала предметом специальных исследований и широких обсуждений. В данном контексте важно подчеркнуть ряд существенных моментов, определенных в этом дискурсе.

Во-первых, принципиальная новизна прикладной этики в сравнении с традиционной (философской) состоит в том, что теория морали прямо смыкается с нравственной практикой общества, – как это зафиксировал А. А. Гусейнов в своем определении прикладной этики [5, 389]. Смыкание может происходить двумя способами – путем *приложения* готового этического знания к решению конкретных вопросов ценностно-императивного порядка или *конструирования* нового этического знания для этих целей. И хотя приоритетность способов вызывает споры исследователей, само их наличие определяет вторую особенность: в прикладной этике этическое знание не самоценно, оно важно лишь как инструмент решения конкретных проблем. Традиционная этика развивалась на уровне знаниевой составляющей, а прикладная – использует имеющийся арсенал этической

теории для решения проблем в определенной сфере общественной жизнедеятельности.

В-третьих, в прикладной этике определяющей становится адекватность ответа на поставленный вопрос. Прикладная этика не специализируется на исследовании каких-либо проблем как моральных, но концентрирует внимание на проблемах в том ракурсе, который является в данный момент ценностно-нагруженным в конкретной сфере общественной жизнедеятельности. Например, прикладную этику «информированное согласие» как моральная проблема занимает в той мере, в какой возникает запрос на его внедрение в качестве морального принципа в биомедицинскую практику; это означает применение этико-прикладных технологий (таких как разработка кодексов, консультирование, экспертиза), а так же важное, но не самоценное в прикладной этике, соответствующее обоснование его применения. Более того, запрос на такой моральный принцип возможен только тогда, когда патернализм отношения «врач-пациент» ставится под сомнение одной из сторон (в данном случае пациентами, и шире – общественностью как потенциальными пациентами).

Подобным образом формируются запросы в других профессионально или предметно определенных практиках. Этико-прикладные разработки изначально были сегментированы в соответствии со спецификой таких практик. Вследствие этого этические технологии формировались по-разному в каждом из сегментов. Поэтому ведут речь о конкретных *прикладных этиках* (экоэтике, биоэтике, академической этике и т.п.), и только в общей метадисциплинарной перспективе прикладных разработок – о *прикладной этике*. По определению, все прикладные этики реалистичны в том смысле, что этическое знание в них создается или адаптируется (имеющееся) для решения практических вопросов, когда на него есть прямой запрос. В таком контексте говорят об этико-прикладных *проектах*, то есть о намерениях разрабатывать новые планы и замыслы для решения конкретных проблем.

В-четвертых, важно понимать, кто является субъектом запроса на этико-прикладные разработки. Сегодня запрос на этику возникает преимущественно не изнутри профессий (первые этические правила, регулирующие профессиональную деятельность, возникли еще в античности), а извне. Стремительные трансформации в различных профессионально или предметно определенных практиках дают основание индивидам, на которых они направлены, сомневаться в способности профессионалов этих сфер адекватно решать возникающие в них проблемы ценностного порядка. Индивиды, осознающие себя вместе с другими равнодушными индивидами сплоченной группой

– общественностью, – активно включаются в формулирование требований к этическому содержанию профессиональной деятельности в рамках таких практик. Они становятся заинтересованной стороной в решении моральных проблем.

Важность фактора общественности для развития прикладной этики особо подчеркивала Л.В. Коновалова. Она вообще усматривала истоки поворота к прикладной этике в разного рода общественных движениях середины XX в. (за гражданские права в США, за мир, ядерное разоружение, охрану окружающей среды, общественные дискуссии по вопросам войны во Вьетнаме, студенческие выступления в Европе) [1, 39]. Описанный ею мир прикладной этики возник только потому, что была неравнодушная, активная общественность, заинтересованная в решении общественно важных вопросов этического характера.

Такие неравнодушные, активные индивиды, в силу различных причин заинтересованные в решении общественно значимых вопросов, рассматриваются в ставших классическими исследованиях Ю. Хабермаса. Если в «Структурном изменении публичной сферы» в центре его внимания находится историческая перспектива становления публичной сферы, он исследует общественность, частных лиц, собиравшихся вместе как публика [4], то в книге «Моральное сознание и коммуникативное действие» его внимание сконцентрировано на вопросах, возникающих в пространстве, в котором общается публика, заинтересованная в обсуждении общественно важных дел. Хотя во второй работе Хабермас фокусируется на условиях возможности универсальных моральных норм в дискурсе, имплицитно в ней заложена как способность публики формировать дискурс, так и само его наличие. Дискурс представляет собой не только средство образования и воспитания, он задает условия взаимодействия в обществе, способствует достижению консенсуса. Консенсус является основой общественного взаимодействия в публичной сфере.

Хабермас использует модель Л. Кольберга для исследования особенностей морального сознания индивидов, принимающих участие в дискурсе. Обсуждение (и далее – решение) общественных проблем посредством достижения консенсуса возможно на конвенциональном уровне, на ступени социальной системы и ее сознательного поддержания. Хабермас отмечает: «Эта ступень отличает общественную точку зрения от межличностных соглашений или мотивов. На этой ступени индивид принимает системную точку зрения, определяющую роли и правила игры. Он принимает во внимание отношения между индивидами с точки зрения того места, какое они занимают в системе» [3, 192]. В таком контексте обсуждение этически

значимых проблем в профессионально или предметно определенных практиках представляет собой обязанность индивидов, заинтересованных в благополучии общества. Индивид выходит за рамки ожидаемый пристойного поведения своего непосредственного окружения (что характерно для третьей ступени конвенционального уровня); он задается вопросом: «Что если бы каждый поступил таким же образом?» – а сознание правильности выполнения обязательств придает социальную значимость его действиям и дает самоуважение [3, 185].

Обращение к идеям Хабермаса в данном контексте обусловлено авторитетностью его исследований публичной сферы как пространства взаимодействий общественности. Следует отметить, что в теории Хабермаса дискурс свободен от бремени действий, но сама его конфигурация дает возможность использовать преобразовательный потенциал этики – предоставлять инструменты, технологии, выявлять, внедрять и обосновывать ценностно-императивную составляющую исследовательских разработок. Б.В. Марков в очерке о творчестве Хабермаса отмечает, что тот стремится превратить дискурсивную этику в метод философии. «Этические требования из внешних суждений становятся конкретными рекомендациями, определяющими производство результатов, они встроены в дискурс и действуют внутри него, способствуют таким решениям, которые являются не только инструментальными, но и этическими» [2, 235]. Очевидно, что реализовать преобразовательный потенциал прикладной этики способна общественность, которая может в дискурсе приходить к консенсусу по общественно важным делам и определять возможности совместных действий, оказывать давление на субъектов, принимающих решения ценностного порядка в определенных сферах общественной жизнедеятельности, решать таким образом проблемы этического порядка.

В связи с этим необходимо отметить один важный момент. Очерчивая пространство взаимодействий общественности, Л. В. Коновалова подчеркивала, что прикладная этика формируется тогда, «когда этические понятия и принципы становятся лозунгами митингующих, написанными на транспарантах демонстраций, акций протеста, массовых движений» [1, 3]. А Хабермас фиксирует на четвертой ступени конвенционального уровня ценностное основание для поддержания общественного строя и содействия благополучию общества. На этой ступени индивиды признают правильным исполнение взятых на себя общественных обязанностей как следование долгу, поддержание общественного порядка и благосостояния общества. Очевидно, что этический инструментарий здесь работает, в первую

очередь, на поддержание системы, а не на активацию гражданских протестных акций. В демократическом ключе Хабермас заявляет: «Законы должны охраняться, за исключением тех крайних случаев, когда они приходят в противоречие с другими четко установленными общественными обязанностями и правами» [3, 185].

Такие разноплановые задачи общественности – поддержание общественного порядка и участие в протестных акциях – характеризуют многогранность публичной сферы, в которой публика обсуждает актуальные проблемы. Насколько этически зрелой является общественность (и само общество, породившее ее и являющееся средой ее существования), настолько профессионалы, принимающие решения ценностного порядка в общественных практиках учитывают и ее позицию, и ее рекомендации. В обществах, где общественность пассивна (тот же Хабермас констатирует превращение актуальных со времени Модерна функций общественности в симулякры), а тем более в обществах, в которых критический настрой публики не получил достаточное развитие, общественные дискуссии по этически значимым вопросам состояться не могут в принципе. И специалистам по этике остается либо инициировать общественный дискурс по чуждой обществу проблеме, доказывая ее актуальность и своевременность в ином социокультурном контексте, либо заниматься научно-исследовательской работой по данному вопросу на основе «материалов западной литературы». Именно такой, по большому счету, и оказалась изданная в 1998 г. книга Л.В. Коноваловой «Прикладная этика».

Со времени публикации работы Коноваловой прошло уже 20 лет. За это время на постсоветском пространстве четко проявились региональные тенденции развития прикладной этики. Сложности с формированием гражданского общества, пассивность общественности, зачастую неразвитость критического настроения публики и вследствие этого – неспособность индивидов отстаивать свои права перед властью профессионалов, преимущественная неготовность объединяться с другими заинтересованными, равнодушными гражданами ведут к тому, что разработка этико-прикладных проектов представляется достаточно проблемной.

Прикладная этика на постсоветском пространстве является более метатеорией, рефлексией «притязаний прикладной этики», чем ресурсом технологий для этических преобразований в профессионально и предметно определенных практиках. Знаниевая составляющая остается доминирующей, четко прослеживается тенденция теоретизирования этико-прикладной проблематики. В связи с этим необходимо указать еще на одну местную тенденцию развития прикладной этики.

На постсоветском пространстве начало дискурса прикладной этики совпало по времени с активным освоением этико-прикладной проблематики представителями тех профессионально и предметно определенных практик, которые сами остро ощутили потребность в этических инструментах регулирования отношений в своих сферах. Пока философские этики пришли к осознанию необходимости включаться в разработку этических технологий, эти представители создали целые библиотеки публикаций, в которых совместили практико-ориентированные обзоры этических теорий, переводы современных западных авторов-прикладников и ценностно нагруженное описание существующей (а)моральной практики в какой-либо сфере. Ощущая недостаток этических технологий в региональном контексте, эти представители включились в разработку этической проблематики на основе своего опыта этической рефлексии, понимания этического наследия, возможностей его приложения в область своей деятельности, а также своего представления о необходимых этических технологиях. Они преимущественно работают на «материалах западной литературы», потому что в ней уже описаны алгоритмы решения вопросов ценностного порядка. Правда, эти алгоритмы предусматривают иной социокультурный контекст и общественность иного качества.

Например, в сфере экоэтики украинский природоохранник, В.Е. Борейко, с 1990-х гг. активно пишет и издает монографии, словари, справочники, учебники по экологической этике, переводы ведущих экоэтиков современности. Но его просветительская деятельность, равно как и природоохранная, скорее является единичным случаем, а не тенденцией гражданской активности в отстаивании экологических позиций. Действия активистов-природоохранников не находят широкой поддержки в обществе, хотя многие граждане страдают от экологических проблем в своих странах, и среди них есть те, кому импонирует деятельность экоактивистов. Однако тот же Борейко работает в общественной организации, но фактически является профессионалом из области охраны природы, принявшим необходимость этического регулирования в своей сфере и посвятившим этому свою жизнь.

Очевидно, что на постсоветском пространстве пассивность общественности не дает ей возможности сформулировать запрос на этико-прикладные проекты и соответственно – этикам-прикладникам реагировать на запрос и работать с этическими технологиями. В вопросе редактора «Ведомостей» упоминалось успешное использование этических технологий во времена перестройки, но тогда была

активная общественность и широкая поддержка ценностных преобразований в обществе.

Список литературы

1. *Коновалова Л.В.* Прикладная этика (по материалам западной литературы). Вып.1. Биоэтика и экоэтика. М.: ИФ РАН, 1998.
 2. *Марков Б.В.* Мораль и разум // Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. С. 287–377.
 3. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2001. С. 173–286.
 4. *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы. Исследование относительно категории буржуазного общества / Пер. В. Иванова. М.: Весь мир, 2016.
- Этика.* Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001